

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

О. А. Лященко

ФЕНОМЕН ДОМАШНЕГО НАСТАВНИЧЕСТВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ПЕТЕРБУРГА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

УДК 371.311.1

ББК 74.92(2-2 Петербург)

В статье раскрываются понятия «домашний наставник», «домашний учитель», «домашний надзиратель», перечисляются их профессиональные обязанности, а также показаны изменения, происходившие на протяжении XIX — начала XX в. в их профессиональном, возрастном, половом, конфессиональном составе.

Ключевые слова: домашний наставник; домашний учитель; домашний надзиратель.

O. A. Lyaschenko

DOMESTIC TUTORSHIP PHENOMENON IN EDUCATIONAL SYSTEM IN PETERSBURG FROM 19TH TILL THE BEGINNING OF 20TH CENTURY

The article shows meanings of terms “domestic tutor”, “domestic teacher”, “domestic nurse”. Their professional duties are enumerated and changes in their professional pattern, age, sex and confessional pattern that have been taking place during the 19th and till the beginning of 20th century are shown.

Key words: domestic tutor, domestic teacher, domestic nurse.

В последние годы на рынке образовательных услуг неизменно высоким спросом пользуется гувернерство, репетиторство, растет количество детей, требующих надомного обучения

по состоянию здоровья. Причиной подобного явления являются:

— высокий уровень образовательных притязаний родителей в условиях рынка;

- социальное понимание непосредственной зависимости профессионального и карьерного роста от качества полученного образования;

- снижение доверия к качеству школьного образования;

- увеличение случаев детских заболеваний, требующих особого ухода и особой организации образовательного процесса;

- общее расширение рынка образовательных услуг.

Сегодня создаются разветвленные сети организаций, предоставляющих образовательные услуги, однако их работа, фактически, сводится к репетиторству, не имеющему ничего общего ни с домашним образованием, ни, тем более, с гувернерством. Между тем, существует уникальный исторический опыт обучения детей в домашних условиях, модель которого разрабатывалась, апробировалась и корректировалась на протяжении почти полутора веков. Этот опыт был утрачен с приходом советской власти, когда образование полностью перешло под контроль государства, а любые попытки избежать этого контроля объявлялись незаконными и преследовались по закону.

Институт гувернерства в России существовал и до XIX века, однако носил стихийный характер. Не существовало четкого понятия «гувернер» как такового, следовательно, не было и соответствующих должностных обязанностей. Стать гувернером мог любой человек «свободного сословия», которого приглашали «ходить за детьми». Преимущество отдавалось иностранцам из-за зна-

чимости владения иностранным языком. Требований к образовательному цензу кандидатов в гувернеры не предъявлялось. Поэтому в первой половине XIX в. в роли домашних учителей часто выступали люди, не имевшие педагогической подготовки, в большинстве случаев, иностранцы, чья ценность определялась исключительно их этнической принадлежностью как носителей преподаваемого языка. [3. С. 76]

Часто и в более низовых социальных слоях, если речь шла о домашнем обучении, то, как правило, под ним подразумевалась передача практических навыков какого-либо ремесла, а отнюдь не овладение теоретическим знанием. Обучение строилось по принципу «мастер — подмастерье», при котором ребенок овладевал конкретными приемами работы.

Сложная политическая обстановка в Западной Европе первой трети XIX в., привозимые оттуда гувернерами-иностранцами вольнодумные идеи, с одной стороны, и острая необходимость российского государства в образованных, хорошо подготовленных специалистах-профессионалах, с другой, вынудили Министерство Народного Просвещения взять под контроль не только школьное образование, но даже такую трудно поддающуюся регулированию область, как образование домашнее. Высочайше утвержденное 1 июля 1834 г. «Положение о домашних наставниках и учителях» устанавливало «связь между воспитанием домашним и публичным», а также детально регламентировало деятельность лиц, «с честью и пользою посвятив-

ших себя воспитанию домашнему» [6. С. XVII–XVIII].

Согласно «Положению...» утверждалось три звания: домашний наставник, домашний учитель, домашняя учительница, а также надзиратели и надзирательницы за детьми. Все они различались по уровню профессиональной подготовки, вероисповеданию, профессиональным обязанностям.

Домашним наставником могли стать представители «свободного сословия» христианского вероисповедания, которые, «окончив полный курс учения в Высших Учебных заведениях, выдержат с успехом испытание и, получив аттестат со званием Действительного Студента¹, или диплом на Ученую Степень от одного из Русских Университетов, изъявят намерение заниматься воспитанием в частных домах. К сему же разряду причисляются удостоенные Ученых Степей в Духовных Академиях, если, по увольнении от Духовного Ведомства, захотят посвятить себя для воспитания детей в частных домах» [6. С. XXI]. Домашние наставники не могли иметь проблем с законом, при этом особенно тщательно контролировалась их политическая благонадежность и безупречные нравственные качества. Подобная строгость проистекала из обязанностей наставников: именно они являлись руководителями всего образовательного процесса. Наставник устанавливал причину, побудившую родителей обучать ребенка в домашних условиях, оценивал физическое и психическое

состояние ребенка, уровень его интеллектуальных возможностей. В соответствии с полученными результатами разрабатывалась индивидуальная программа обучения, режим занятий; подбирались учебники и учебные пособия. Помимо этого, в обязанности наставника входил отбор учителей-предметников, проведение собеседований с претендентами. Процесс обучения также подлежал контролю со стороны наставника, поэтому неперенным условием являлось проживание последнего в семье воспитанника. Деятельность наставника, в свою очередь, контролировалась органами власти. Ежегодно каждый наставник должен был предоставлять в канцелярию Уездного Предводителя Дворянства:

— отчет о проделанной работе;

— свидетельство, выданное ему работодателем, где непременно указывались его успехи в деле образования и нравственный облик (причем, подлинность подписи работодателя непременно заверялась нотариально либо подписями и печатями двух лиц, облеченных достаточной мерой власти, чтобы заверять подобного рода документы — полицеймейстерами, квартальными надзирателями);

— прошение о выдаче ему Свидетельства о проделанной работе. Полученное Свидетельство наставник передавал Директору Санкт-Петербургских Губернских Гимназий с тем, чтобы время, проведенное им в доме воспитанника, было засчитано ему в срок выслуги пенсии.

¹ Действительный студент — студент, закончивший высшее учебное заведение, но, по какой-либо причине, не защитивший выпускную кандидатскую диссертацию.

Если наставник по какой-либо причине не предоставлял отчета о проделанной работе, выданное ему Свидетельство на право осуществления образовательных услуг изымалось. Также Свидетельство изымалось в случае совершения правонарушений или участия в политических антиправительственных акциях.

Помимо выполнения своих прямых обязанностей, наставник имел право преподавать какой-либо предмет наравне с приходящими учителями.

Звание домашнего учителя предоставлялось тем, кто «хотя не приобрели ни звания Действительного Студента, ни Ученой Степени, но для получения права быть домашним Учителем докажут на установленном для того испытании, что они имеют не только общие необходимые для начального обучения, но также подробные и основательные сведения в тех предметах, которые они преподавать намерены» [6. С. XXI]. Кандидат в домашние учителя обращался к Уездному Предводителю Дворянства с просьбой выдать ему Свидетельство (аналог современной лицензии на право оказания образовательных услуг). Формы Свидетельств были утверждены министром Народного Просвещения 15 января 1842 г. и практически не менялись за все время существования института домашнего учительства. В них указывалось полное имя преподавателя, место рождения, чин родителей, вероисповедание, последовательно перечислялись учебные заведения, где он получал образование, ученое звание, дата выдачи диплома об окончании учебного

заведения; указывались предметы, по которым были получены отличные и хорошие оценки, а также отметка о поведении. В случае, если преподаватель получил домашнее образование, это также вносилось в Свидетельство. Далее подробно перечислялись обязанности, которые учителю приходилось исполнять после вступления в должность. Для получения Свидетельства было необходимо предъявить метрическое свидетельство, свидетельство о своем происхождении и состоянии, документ об образовании, «несомнительное свидетельство о своем поведении», а лицам, не имевшим педагогического образования, приходилось держать экзамен комиссии в Университете и давать пробный урок (лекцию) по дисциплинам, которые он намеревался преподавать. Иностранцы, желавшие получить Свидетельство, предъявляли «паспорт, по которому прибыли из-за границы, позволение гражданского начальства на свободное прожитие в губернии, свидетельство о учинении присяги на верность престолу, свидетельство о добром поведении». [7. С. 708] Стоимость Свидетельства для иностранцев и русских домашних наставников в разные годы составляла от 15 до 50 рублей серебром, для учителей и учительниц — от 10 до 40 рублей. Деньги эти, за вычетом расходов на печатные услуги, передавались в пенсионный фонд и фонд вспомоществования учительским детям-сиротам. В случае, если учитель был не в состоянии заплатить эту сумму, оплату отсрочивали до получения первой зарплаты [9. С. 101].

Преподавание в домашних условиях велось по учебникам, утвержденным Министерством Народного Просвещения, однако учителя имели право использовать дополнительные источники на свой выбор. Степень востребованности преподаваемых предметов варьировалась в зависимости от цели получения образования и возраста учащегося. Если целью являлась подготовка ребенка к поступлению в гимназию, то безусловный приоритет отдавался общеобразовательному блоку (арифметика, русский язык), иностранным языкам (немецкий, французский, английский), Закону Божию, в отдельных случаях танцам и музицированию. В случае, когда домашнее образование замещало собой школьное, преподаваемые предметы полностью соответствовали учебному плану гимназического курса. Если же обучение в домашних условиях выступало в качестве вспомогательного к основному школьному курсу, то услуги учителей становились идентичными услугам репетиторов. Подготовка учащихся к поступлению в университет в большинстве случаев осуществлялась в доме учителя, а не учащегося, поэтому не имела права называться домашним обучением в его истинном значении. Возможность готовить дома детей к поступлению в университет была только у представителей очень обеспеченных слоев населения.

Уровень востребованности учителей-предметников изменялся в зависимости от целей получения образования в домашних условиях. Подготовка к поступлению в гимназию являлась

наиболее частой причиной обращений к учителям, однако преподававшийся блок общеобразовательных предметов не требовал специальной подготовки и вполне мог осуществляться в полном объеме одним-двумя специалистами. Чуть менее массовыми были случаи обращения к учителям, когда речь шла о ребенке школьного возраста, однако спектр привлекавшихся специалистов был значительно шире по причине их специализации: например, учитель арифметики не имел права преподавать алгебру или геометрию, поэтому для каждого предмета требовался отдельный специалист. Если же целью обучения ставилась подготовка к поступлению в университет, количество обращений к преподавателям резко снижалось. Причинами этого являлись, во-первых, низкая востребованность университетского образования по сравнению со школьным и, во-вторых, малое количество специалистов подобной квалификации.

Оплата труда домашних учителей зависела от разных показателей. Наиболее дешевыми считались услуги учителей русского происхождения, преподававших блок общеобразовательных предметов. По стоимости им уступали только представители неквалифицированного труда (студенты, гимназисты-старшеклассники) и люди, имевшие какой-либо нравственный изъян, например, приверженность алкоголю. Значительно выше оплачивались услуги учителей-предметников средней школы, а также преподавателей иностранного языка. Самыми дорогими были преподаватели старшей школы и университета. Существенное

влияние на стоимость занятий оказывало, являлся ли учитель приходящим (это ценилось дороже) или проживал в семье учащегося (из зарплаты вычитались стоимость питания и традиционных подарков к праздникам). Также учитывались личностные характеристики учителя: его возраст, происхождение, опыт преподавательской деятельности. Немаловажным фактором при расчете заработной платы являлась готовность работать в летние месяцы: выезд на дачу вместе с семьей учащегося стоил намного выше.

Помимо объективных показателей, влиявших на стоимость услуг специалиста, существовали также причины, вызванные традицией: среди преподавателей иностранного языка работа французенки всегда ценилась выше, чем аналогичный труд учительницы немецкого языка [4. С. 50].

В конце года (как правило, учебного) каждый домашний учитель подавал отчет о проделанной работе Председателю Уездных Училищ вместе с характеристикой, подписанной работодателем и заверенной юридически. Место работы и сроки фиксировались секретарем Председателя Уездных Училищ на оборотной стороне Свидетельства. Также на основании предоставленных отчетов на каждого преподавателя заполнялся формулярный список — личное дело, содержащее подробнейшие сведения от происхождения и этапов профессиональной деятельности, до отъездов в отпуск, участия в военных операциях, содержания под судом, факта наличия семьи и дат рождения детей, а также их вероисповедания. Бланк формуляр-

ного списка был разработан и утвержден распоряжением Министерства Народного Просвещения, и за все время существования института домашнего учительства менялся трижды, подвергаясь незначительным изменениям. В случае утери формулярного списка, его можно было восстановить по записям на обороте Свидетельства. После смерти преподавателя все его формулярные списки вместе со Свидетельством переходили в канцелярию Председателя Уездных Училищ.

Домашние учителя в большинстве случаев стремились совмещать работу в основной школе — гимназиях, училищах — с работой в частных домах, поэтому практику преподавания в домашних условиях рассматривали не как основную профессию, а как средство получения дополнительного заработка, т. е. репетиторство. Это явилось причиной, по которой они не стремились в конце года подавать отчет Председателю Уездных Училищ: оформление необходимых документов занимало много времени, в то время как получение пенсии им гарантировало основное место работы. Некоторые учителя пытались проводить занятия не в доме учащегося, а в своем собственном, иногда приглашая на уроки сразу по несколько человек. Подобные случаи рассматривались властями как попытки создать частное учебное заведение без соответствующего на то разрешения и немедленно пресекались, а с учителя взимался штраф.

В соответствии с вероисповеданием существовало три вида свидетельств: для преподавателей-христи-

ан, мусульман и евреев. При этом преподаватели нехристианских конфессий имели право обучать только своих единоверцев и только предметам, касавшимся вопросов веры. Общим требованием было «чтобы они знали читать по-русски хотя медленно, но безошибочно, гражданскую печать и четкую каллиграфическую рукопись и могли несколько писать с печатного или каллиграфического образца» [1. С. 67]. Если экзаменовавшемуся не удавалось сдать экзамен на получение Свидетельства, с него брали подписку, что он не будет преподавать до тех пор, пока его попытки не увенчаются успехом (экзамен на получение разрешения «преподавать в домах» проходил один раз в год). Нарушителю грозил штраф в размере 75 рублей серебром.

Половой состав домашних преподавателей менялся в соответствии с изменениями, происходившими в обществе. В первой половине XIX века среди домашних учителей преобладали мужчины, но после отмены крепостного права бедневшие дворянки лишились основной статьи дохода и были вынуждены сами обеспечивать свое существование. В результате в середине века соотношение полов в составе домашнего учительства было примерно одинаковым, а в конце XIX — начале XX вв. стал заметен дисбаланс с явным перевесом в сторону женщин.

Выпускницы Ведомства Учреждений Императрицы Марии изначально получали аттестат, дававший статус домашней учительницы без необходимости сдавать какие-либо дополнительные экзамены. «Положение о

домашних наставниках и учителях» от 1 июля 1834 г. обнажило проблему, о которой прежде никому не приходилось задумываться: «Воспитанницы некоторых из помянутых выше заведений получают, при выпуске своем, аттестаты без означения не только чему они могут обучать, но даже и чему сами обучались, и что, при сих обстоятельствах, встречается затруднение снабжать установленными свидетельствами тех из них, кои желают посвятить себя обучению в частных домах». Спустя три месяца оплошность была исправлена: Министерство Народного Просвещения тщательно рассмотрело все формы аттестатов, выдававшихся учреждениями ведомства Императрицы Марии, а также находившихся под покровительством Великой княгини Елены Павловны, и указало каждому из образовательных учреждений, какие именно изменения необходимо внести в бланк аттестата, чтобы в нем «означались по крайней мере успехи в тех предметах, в коих оказаны воспитанницами хорошие и отличные сведения, ибо таковые только дают право на преподавание в частных домах» [10. С. 958]. Многие домашние учительницы стремились «повысить квалификацию», оканчивая курс в институтах второго разряда ведомства Учреждений Императрицы Марии, что давало им право называться домашними наставницами и пользоваться «всеми правами и привилегиями, причисляющимися сему званию». В этом случае канцелярией Председателя Уездных училищ на Свидетельстве домашней учительницы делалась соответствующая приписка.

С течением времени менялся уровень подготовки домашних учителей. В начале XIX в. кандидатам в домашние учителя приходилось выдерживать экзамены по нескольким предметам (как минимум, двум: основному и вспомогательному) перед комиссией при Университете и давать открытый урок (лекцию), предварительно согласовав конспект урока все с той же комиссией. В случае неудачи комиссия могла назначить еще один открытый урок, причем именно назначить: тема урока определялась учебным планом гимназии, где проводились уроки. Если экзаменуемый показывал неудовлетворительные результаты, он имел право на повторную сдачу всех экзаменов, включая урок, на следующий год. Оплата повторных испытаний также была полной, в случае неудачи деньги не возвращались. Всего таких пересдач могло быть две, каждая с интервалом в год; если все они оказывались неудачными, составлялось заключение, что испытуемый не имеет способностей к преподавательской деятельности. Любая попытка осуществлять образовательные услуги, несмотря на запрет, каралась штрафом. Полному испытанию подвергались лица, прошедшие полный гимназический курс, но не имевшие аттестата об окончании курса в каком-либо из российских университетов, а также лица, окончившие курс в университете, но по другой специальности. Право на сокращенное испытание предоставлялось только лицам, получившим образование в одном из российских университетов и имевшим аттестаты об окончании курса именно по

тому факультету, «в состав которого входит главный предмет, избираемый для преподавания».

Не менее строго и детально контролировались попытки учителей «сменить квалификацию»: прошения уездных учителей о переходе в звание домашних учителей отклонялись по причине разницы в полученном образовании и, соответственно, разных требований, предъявлявшихся на итоговых испытаниях. Однако, начиная со второй половины XIX века, «Государь Император Высочайше соизволил: учителям уездных училищ, вышедшим в отставку по прослужении в сих должностях трех лет, предоставить право на получение звания домашних учителей, без особого на сие звание испытания» [2. С. 90].

Конец XIX — начало XX вв. был ознаменован личной заинтересованностью всех слоев общества в получении образования, что привело к нехватке учителей, в первую очередь, школьных. В качестве вынужденной меры Министерство Народного Просвещения приняло решение «допускать к преподаванию французского языка в низших классах средних учебных заведений лиц женского пола, имеющих звание домашней наставницы или учительницы по французскому языку и получивших, кроме того, специально педагогическую подготовку по этому языку и зарекомендовавших себя в течение нескольких лет достаточною опытностью в преподавании». Эксперимент оказался удачным, и уже полгода спустя женщины были допущены к преподаванию в средних классах мужских гимназий «со всеми

правами и привилегиями, причисляемыми к сему званию».

Еще ярче снижение требований к уровню подготовки домашних учителей проявилось в изменении их возрастного состава: от выпускников университетов — кандидатов и действительных студентов — до гимназистов. В начале XIX века строжайше указывалось «учеников (гимназий), не окончивших полного курса, ни в каком случае не допускать к преподаванию в частных домах». Однако спустя всего полвека «г. министр народного просвещения дал знать попечителю, что он не встречает препятствия к выдаче ученикам V и VI классов реальных училищ свидетельств на право обучения в частных домах математики, русского языка, географии и новых иностранных языков». [8. С. 1320] Своеобразную точку в деле домашнего образования поставило распоряжение Временного правительства, отменившее требование образовательного ценза для домашних учителей [5. С. 1688].

Забота о воспитании «высоких нравственных качеств» побуждала Министерство Народного Просвещения привлекать к преподаванию в домашних условиях служащих чиновников, хорошо зарекомендовавших себя по службе. Для последних это был не только заработок после выхода на пенсию по основному месту работы, но и солидная прибавка к пенсионным выплатам. Вдобавок они получали «все права и привилегии, причисляемые к сему званию». Лицам духовного звания также разрешалось давать частные уроки в домах в качестве начальных учителей.

Начальным учителем мог стать каждый, имевший среднее образование и характеристику за подписью двух «уважаемых лиц» о высоких нравственных качествах. Обязанности начального учителя сводились к подготовке ребенка к поступлению в школу либо к репетиторству по общеобразовательным предметам: арифметике, русскому языку, иногда литературе или началам немецкого либо французского языков. Нередко начальные учителя включали в свои услуги обучение музыке, танцам, верховой езде или фехтованию. Их деятельность не контролировалась никем, кроме родителей ребенка — т. е. работодателей.

Начальными учителями, как правило, становились вышедшие на пенсию чиновники, образованные представители податных сословий, студенты или гимназисты.

Помимо домашних наставников и домашних учителей, «Положение...» от 1 июля 1834 г. утверждало звания домашнего Надзирателя и Надзирательницы. В их обязанности входило следить за физическим состоянием ребенка, обеспечивать контроль за его здоровьем, соответствующий уход и, в случае необходимости, оказывать первую медицинскую помощь. Специальной подготовки надзиратели не получали, требований к образовательному цензу также не предъявлялось. Фактически это были няни для «детей изрядного возраста».

В «Положении...» совсем не упоминалось о гувернерах и гувернантках. Причина была простой: должность гувернера-воспитателя, в чьи обязанности входило научение ребенка хорошим

манерам и, по возможности, иностранному языку, «Положением...» фактически упраздняясь, а функции гувернера переходили к домашним наставникам.

Степень участия родителей в воспитании и обучении детей также изменялась на протяжении всего XIX века. Конец VIII — начало XIX веков протекали под влиянием традиции отстраненного воспитания детей. Правилom хорошего тона и достатка для состоятельных слоев населения считалось отдавать детей на воспитание чужим людям. Представители крестьянства и рабочего класса часто посылали своих детей в семьи мастеров для обучения профессии, более обеспеченные представители общества нанимали специалистов для воспитания своих детей. Воспитание и обучение ребенка родителями являлось показателем нехватки средств. Предпочтение отдавалось учителям иностранного происхождения, акцент делался на овладении хорошими манерами и иностранным языком.

Конец XIX века протекал в условиях понимания родителями ценности хорошего образования. Главным критерием оценки приглашаемого учителя стал его профессионализм, решение о найме специалиста принималось на основании отзывов о качестве его работы. Одновременно изменилось отношение к ребенку: если раньше вся забота членов семьи уделялась отцу

как главному добытчику средств существования, то теперь внимание сосредоточилось на ребенке. Появление и развитие таких новых отраслей наук, как физиология, гигиена, психология, вызвали у родителей стремление самим принимать участие в жизни ребенка, его воспитании и образовании. Большое количество педагогической литературы, обществ, кружков и курсов позволили родителям во многих случаях отказаться от услуг приглашенных специалистов и начать самостоятельно воспитывать и обучать детей.

Таким образом, система домашнего образования на протяжении всего XIX века претерпела существенные изменения. В педагогической сфере были выделены особые профессии домашних наставников и домашних учителей, определены их функциональные обязанности, тщательно продумана, внедрена, апробирована и откорректирована система их подготовки, а также контроля на всех этапах их деятельности. Функционировала система льгот и поощрений, а также социального обеспечения в виде пенсии. Учитывалась поликонфессиональность столичного общества. Реализация всех этих мер явилась одним из факторов, пробудивших интерес к педагогике в целом и к домашнему образованию в частности, что позволило родителям принимать активное участие в воспитании и обучении детей.

Список литературы

1. Временные правила об испытании Еврейских частных учителей или меламдов и содержателей хадаримов / Сборник распоряжений по Министерству Народного Просвещения. 1835–1849. — СПб. : Тип. Императорской Академии Наук, 1866. — Т. 2. — 1102 с.
2. Журнал Министерства Народного Просвещения. — СПб. : тип. Рогальского и К°, 1865. — Часть СХХV. — 641 с.
3. Каптерев, П. Ф. Задачи и основы семейного воспитания / П. Ф. Каптерев // Энциклопедия семейного воспитания и обучения. — 2-е изд., доп. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. — Вып. 1. — 122 с.
4. Карцов, Н. С. Иностранные языки в семье / Н. С. Карцов // Энциклопедия семейного воспитания и обучения. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1907. — Вып. 54. — 66 с.
5. Об отмене ограничений в отношении образовательного ценза, установленного для лиц, желающих заниматься в частных домах обучением и воспитанием детей / Собрание Указаний и распоряжений Правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. 25 июля 1917 г. № 171. Отдел Первый. — СПб. : Сенатская Типография, 1917. — 345 с.
6. Положение о домашних Наставниках и Учителях // Журнал Министерства Народного Просвещения. — 1834. — № VIII. — С. 66–69.
7. Правила для выдачи свидетельств домашним смотрителям и гувернерам // Сборник распоряжений по Министерству Народного Просвещения. 1802–1834. — СПб. : Тип. Императорской Академии Наук, 1866. — Т. 1. — 987 с.
8. Распоряжение от 22 декабря 1873 г.: О дозволении ученикам V и VI классов реальных училищ преподавать в частных домах некоторые предметы // Сборник распоряжений по Министерству Народного Просвещения. 1871–1873. — СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1881. — Т. 5. — 1322 с.
9. Сборник распоряжений по Министерству Народного Просвещения. 1835–1849. — СПб. : Тип. Императорской Академии Наук, 1866. — Т. 2. — 1102 с.
10. Циркулярное предложение о выдаче свидетельств на звание домашней учительницы // Сборник распоряжений по Министерству Народного Просвещения. 1802–1834. — СПб. : Тип. Императорской Академии Наук, 1866. — Т. 1. — 987 с.